

Говард Филлипс Лавкрафт

ФАМИЛЬНЫЙ СКЛЕП

(The Tomb)

Sedibus ut saltern placidis in morte quiescam.

Virgil

Рассказывая об обстоятельствах, которые привели меня к заключению в приюте для умалишенных, я сознаю, что настоящее мое положение породит естественные сомнения в достоверности этого повествования. К сожалению, большинство человечества слишком ограничено в своем умственном зрении, чтобы с терпением и пониманием рассмотреть те отдельные явления, доступные только немногим психически чувствительным людям, которые лежат вне его повседневного опыта. Люди, обладающие более широким умом, знают, что не существует четкого различия между реальным и нереальным; что все вещи кажутся нам таковыми только благодаря тончайшей индивидуальной физической и умственной среде, через которую мы сознаем их; но прозаичный материализм большинства признает безумием те вспышки сверхзрения, что проникают за рутинную завесу очевидного эмпиризма.

Мое имя Джервас Дадли, и с раннего детства я был мечтателем и фантазером. Будучи свободным от необходимости зарабатывать себе на жизнь, и не имея из-за своего темперамента никакой склонности к официальным занятиям и совместным развлечениям моих знакомых, я всегда обитал в сферах, далеких от видимого мира; отрочество и юность мои прошли в чтении старинных и малоизвестных книг и в скитаниях по полям и рощам вокруг моего родового дома. Не думаю, что я читал в этих книгах или видел в этих полях и рощах точно то же, что читали и видели там другие мальчики; но об этом мне приходится умалчивать, так как подробный рассказ только подтвердил бы те злобные сплетни о моем рассудке, которые я иногда нечаянно подслушивал из шепота тайных соглядатаев вокруг меня. Для меня достаточно рассказать о событиях, не анализируя причины.

Я сказал, что жил вдали от видимого мира, но я не говорил, что жил один. Ни один человек не может так жить; из-за отсутствия общества живых, он неизбежно приходит к общению с существами, которые не являются, или больше не являются, живыми. Рядом с моим домом расположена своеобразная лесистая лощина, в сумеречных глубинах которой я проводил большую часть своего времени; читая, думая и мечтая. Вниз по ее, покрытым мхом склонам были сделаны мои первые детские шаги, и под сенью ее гротескно искривленных дубов сплетались мои первые отроческие фантазии. Я близко узнал живших в тех деревьях дриад, и часто любовался их неистовыми танцами в колеблющихся лучах заходящей луны, – но об этом мне сейчас не стоит говорить. Я расскажу только об одинокой гробнице в самой гуще зарослей на склоне лощины; о заброшенной гробнице Хайдов, старинного высокопоставленного рода, последний прямой потомок которого упокоился в ее черной глубине за много десятилетий до моего рождения.

Склеп, о котором я говорю, сделан из старого гранита, выветрившегося и потерявшего цвет из-за туманов и вечной сырости. Врытое вглубь склона, строение видно только со входа. Дверь, громоздкая и неприступная каменная плита, висит на ржавых железных петлях, и запирается намеренно зловещим способом посредством тяжелых железных цепей и висячих замков, оставаясь при этом приоткрытой в соответствии с отвратительной модой полувековой давности. Жилище рода, отпрыски которого здесь погребены, некогда увенчивало склон с гробницей, но давно уже погибло в пожаре, возникшем от удара молнии. О полуночной грозе, которая уничтожила этот мрачный особняк, старые обитатели округи рассказывают тихими и неровными голосами, намекая на то, что они называют «божьим гневом»; рассказы эти позднее увеличивали всегда и без того сильное очарование, которым была для меня полна гробница, укрытая в лесной тени. Только один человек погиб в огне. Когда пришло время последнему из Хайдов быть погребенным в этой обители мрака и тишины, печальная урна с прахом прибыла из далеких краев, куда семейство переселилось после пожара. Никого не осталось, чтобы положить цветы перед гранитным порталом, и мало кто решался побеспокоить унылые призраки, которые, казалось, чего-то ждут у размытых водой камней.

Я никогда не забуду тот день, когда впервые наткнулся на полускрытый дом смерти. Это было в середине лета, когда алхимия природы превращает лесистый ландшафт в одну яркую и почти однородную массу зелени; когда чувства отравлены волнуемыми морями влажной листвы и едва уловимыми запахами земли и всего на ней растущего. В таком окружении ум теряет перспективу, время и пространство становятся незначительными и нереальными, и отголоски забытого доисторического прошлого настойчиво пробиваются в очарованное сознание.

Весь день я бродил по мистическим рощам лощины; размышляя о вещах, которые нет надобности обсуждать, и общаясь с существами, которые нет надобности называть. Ребенком десяти лет я видел и слышал много удивительного, неизвестного большинству остальных людей, и в некоторых отношениях был зрелым не по годам. Когда, продравшись между двумя буйно разросшимися кустами шиповника, я неожиданно оказался у входа в склеп, я не имел никакого понятия о том, что я обнаружил. Темные блоки гранита, приоткрытая дверь, так возбуждающая любопытство, и траурная резьба над сводом не вызвали у меня никаких ассоциаций мрачного или внушающего ужас характера. Я много знал и думал о могилах и гробницах, но из-за моего своеобразного темперамента меня оберегали от всяческих соприкосновений с кладбищами и погостами. Странное каменное строение на лесном склоне было для меня только источником интереса и размышлений, и его холодная сырая глубина, в которую я тщетно вглядывался через щель, так дразняще оставленную, не содержала для меня ни намек на смерть или разложение. Но в то мгновение любопытства и родилось безумное необъяснимое стремление, которое привело меня в ад заключения. Побуждаемый голосом, который, должно быть, исходил от ужасной души леса, я решил проникнуть в манящую темноту, несмотря на массивные цепи, которые преграждали мне путь. В меркнувшем свете уходящего дня я поочередно дергал гремящие ржавые преграды, чтобы пошире распахнуть дверь, и пытался протиснуть свое хрупкое тело через уже имевшееся пространство; но ни один из этих планов не увенчался успехом. Любопытный вначале, я стал теперь безумным, и когда в сгущавшихся сумерках я возвращался домой, то поклялся сотне богов рощи, что *любой ценой* когда-нибудь проникну в черную,

прохладную глубину, которая, казалось, звала меня. Седобородый врач, что каждый день приходит в мою комнату, как-то сказал одному посетителю, будто это решение означало начало прискорбной мономании; но пусть окончательный приговор вынесут мои читатели, после того, как они узнают все.

Месяцы, последовавшие за моим открытием, я провел в тщетных попытках взломать сложный замок слегка приоткрытого склепа, и в тщательно скрываемых исследованиях, касающихся происхождения и истории сооружения. Имея, как и всякий маленький мальчик, чуткие уши, я многое узнал, хотя привычная скрытность не позволяла мне рассказать кому-нибудь об этих сведениях или о моих намерениях. Возможно, стоит отметить, что я совсем не был удивлен или испуган, когда догадался о предназначении строения. Из-за моих довольно оригинальных идей относительно жизни и смерти я неясным образом связывал холодный прах с дышащим телом; и я чувствовал, что большой и пользовавшийся дурной славой род из сгоревшего особняка каким-то образом присутствовал внутри каменного пространства, которое я стремился исследовать. Невнятные рассказы с таинственных обрядах и безбожных оргиях, происходивших когда-то в старинном зале, вызвали у меня новый и сильный интерес к гробнице, перед чьей дверью я часами сидел каждый день. Однажды я просунул свечу в почти закрытый проход, но не смог ничего увидеть, кроме ряда сырых каменных ступеней, ведущих вниз. Запах этого места, все еще отталкивающий, околдовал меня. Я чувствовал, что знал его раньше, в далеком прошлом, от которого не осталось никаких воспоминаний, еще до того, как я стал владельцем моего нынешнего тела.

Спустя год после того, как я обнаружил гробницу, на забитом книгами чердаке моего дома я наткнулся на старинный перевод «Жизнеописаний» Плутарха. Читая жизнеописание Тесея, я был поражен эпизодом, где рассказывается о большом камне, под которым юный герой должен был найти знаки своей судьбы, когда стал бы достаточно взрослым, чтобы осилить его огромный вес. Действие этой легенды заключалось в том, что я перестал испытывать сильнейшее нетерпение проникнуть в склеп; благодаря ей я почувствовал, что мое время еще не пришло. Позднее, говорил я себе, я стану сильным и изобретательным, и смогу с легкостью открыть надежно запертую дверь; но до тех пор будет лучше, если я подчинюсь тому, что кажется велением Судьбы.

Согласно моим наблюдениям, сырой портал стал менее прочным, и много моего времени было потрачено на другие столь же странные занятия. Иногда я очень тихо вставал ночью и тайком ускользал из Дома, чтобы побродить по тем самым кладбищам и местам погребений, от которых меня оберегали родители. Наверное, не стоит рассказывать, чем я там занимался, поскольку теперь я не уверен в реальности некоторых вещей; но я знаю, что на следующий день после каждой такой ночной прогулки я часто удивлял окружающих меня людей осведомленностью о событиях почти полностью забытых много лет назад. Именно после одной подобной ночи я поразил всех странной самонадеянностью, с которой рассказывал о похоронах богатого и прославленного судьи Брюстера, местного летописца, погребенного в 1711 году, чье синевато-серое надгробие, с высеченным на нем черепом и скрещенными костями, медленно рассыпалось в пыль. Тогда, в своей детской фантазии я клятвенно утверждал не только то, что владелец похоронного бюро, Гудмен

Симпсон, украл перед похоронами башмаки с серебряными пряжками, шелковые чулки и атласные штаны покойного; но и что сам судья, не до конца мертвый, дважды повернулся в засыпанном землей гробу на следующий день после погребения.

Но идея проникнуть в гробницу никогда не оставляла мои мысли; она стала еще сильнее после неожиданного генеалогического открытия, что моя собственная родословная по материнской линии имеет по крайней мере незначительную связь с угасшим, по общему мнению, семейством Хайдов. Последний в роду моего отца, я также был последним представителем этой более старой и таинственной семьи. Я почувствовал, что гробница – моя, и с горячим нетерпением ожидал времени, когда смогу войти в каменную дверь и спуститься по ведущим во мрак скользким каменным ступеням. У меня появилась привычка очень внимательно вслушиваться стоя у приоткрытого входа в склеп; для этого странного дежурства я выбирал свои любимые часы в полуночной тиши. К тому времени, когда я достиг совершеннолетия, я расчистил небольшой участок в зарослях перед заплесневевшим фасадом на склоне холла, позволив окружающей растительности разрастись вокруг площадки, создав подобие стен и крыши лесной беседки. Эта беседка была моим храмом, моим святилищем запертой двери, и здесь я, бывало, лежал, распростершись на мшистой земле, думая и мечтая о необыкновенных вещах.

Ночь первого откровения была душной. Я, должно быть, заснул от усталости, так как осталось отчетливое чувство, будто меня разбудили голоса. Об их интонациях и звучании я не решаюсь говорить; как впрочем, и об их тембре; но я могу сказать, что голоса имели определенные сверхъестественные отличия в словарном составе, произношении и манере выражаться. Казалось, каждый оттенок новоанглийского говора, от грубоватого слога колонистов-пуритан до отточенной риторики пятидесятилетней давности, был представлен в этой призрачной беседе, хотя все это я заметил позже. В тот же момент мое внимание было захвачено другим явлением; явлением таким мимолетным, что я не мог бы поклясться в его реальности. Мне почудилось, что когда я проснулся, во врытом в землю склепе был торопливо погашен свет. Не думаю, что я был изумлен или сильно напуган, но знаю, что я значительно и навсегда изменился в ту ночь. Вернувшись домой, я направился прямо к полусгнившему сундуку на чердаке, где нашел ключ, и им на следующий день с легкостью открыл преграду, которую так долго и тщетно пытался преодолеть.

В мягком свете уходящего дня я впервые вступил в склеп на заросшем склоне. Чары охватили меня, и сердце мое билось с ликованием, которое я не в силах описать. Когда я закрыл за собой дверь и начал спускаться по сырым ступеням при свете моей единственной свечи, мне показалось, что я знаю этот путь; и хотя свеча трещала в удушающем зловонии этого места, я, напротив, странным образом чувствовал себя дома в затхлом воздухе склепа. Оглядевшись вокруг, я обнаружил множество мраморных плит с гробами или остатками гробов. Некоторые из них были» запечатаны и не повреждены, а другие почти распались, оставив серебряные ручки и дощечки, выделявшиеся среди странных кучек белесой пыли. На одной из пластинок я прочитал имя сэра Джеффри Хайда, который прибыл из Сассекса в 1640 году и умер здесь спустя несколько лет. В видневшейся нише стоял один довольно хорошо сохранившийся и пустой гроб, украшенный единственным именем, которое вызвало

у меня одновременно и улыбку, и содрогание. Повинуясь безотчетному порыву, я взобрался на широкую плиту, потушил свою свечу и лег в незанятый гроб.

В сером свете зари я, пошатываясь, выбрался из склепа и запер цепь на двери за собой. Я больше не был молодым, хотя мое тело знала холод только двадцать одной зимы. Рано поднявшиеся поселяне, встречавшиеся мне по дороге домой, странно поглядывали на меня, удивляясь следам грубой попойки, которые они замечали на человеке, известном трезвым и уединенным образом жизни. Перед своими родителями я предстал только после долгого освежающего сна.

С тех пор я посещал гробницу каждую ночь; лучше не вспоминать, что я там видел, слышал и делал. Моя речь, всегда восприимчивая к внешним влияниям, первая подверглась изменениям; и вскоре стал заметен мой неожиданно приобретенный архаизм в манере выражаться. Позднее в моем поведении появилась странная наглость и дерзость, я бессознательно приобрел манеру держать себя, как светский человек, несмотря на то, что всю жизнь провел в уединении. Прежде молчаливый, я стал болтливым, разглагольствуя с непринужденным изяществом Честерфилда или безбожным цинизмом Рочестера. Я проявлял своеобразную эрудицию, абсолютно не связанную с теми отвлеченными монашескими штудиями, в которые был погружен в юности; я покрывал форзацы моих книг легкими импровизированными эпиграммами, содержащими в себе намеки на Гея, Прайора и самых веселых из классических остряков и рифмоплетов. Однажды утром за завтраком я едва не навлек на себя неприятности, продекламировав явно нетрезвым голосом излияния загулявшего весельчака и поэта восемнадцатого века, невинную шалость времен короля Георга, никогда прежде не записанную в книге. Это звучало примерно так:

*Сюда, мои парни, нальем в кружки пива,
И выпьем за то, что мы все еще живы;
Кладите в тарелки говядины горы,
Ведь мясо и эль утешают нам взоры:
Наполним бокалы,
Ведь жизнь быстротечна;
Когда ты умрешь, то не выпьешь уж вечно!
У Анакреона был нос очень красен,
Но что за беда в том, коль день твой прекрасен?
Проклятье! Уж лучше быть красным в трактире,
Чем белым как снег – и полгода в могиле!
Так, Бетти, милашка,
Целуй меня чаще;
В аду нет красоты милее и слаще!
Хоть Гарри старается прямо держаться.
Но скоро он ляжет под стол отсыпаться,
Наполним же кубки и пустим по кругу –
Под стол – не под землю! – мы скажем друг другу.
Шутите ж и смейтесь.
Стакан осушая;
Шесть футов земли – это тяжесть большая.*

*Вот дьявол! Идти я уже не способен,
И проклят я будь, коль к беседе я годен!
Хозяин, портшез пусть доставят к подъезду;
Вернусь я домой, ведь супруга в отъезде!
Так дайте мне руку;
Я встать не могу,
Но весел, пока в этом мире живу!*

Примерно а это время у меня появился мой нынешний страх перед огнем и грозами. Раньше я был безразличен к таким вещам, теперь же меня охватывал невыразимый ужас перед ними; и я прятался во внутренних закутках дома всякий раз, когда небеса грозили электрическим разрядом. Моим любимым убежищем в течение дня был разрушенный подвал в сгоревшем особняке, и в мыслях я рисовал строение таким, каким оно было, в свои лучшие времена. Как-то раз я напугал одного поселянина, уверенно приведя его к неглубокому полуподвалу, о существовании которого я, казалось, знал, несмотря на то, что он был незаметен и забыт много лет назад.

Наконец случилось то, чего я давно боялся. Мои родители, встревоженные изменившимися манерами и внешним обликом своего единственного сына, постарались установить незаметное наблюдение за моими передвижениями, что грозило закончиться несчастьем. Я никому не говорил о посещениях гробницы, с детства охраняя с религиозным рвением свои тайные намерения; но теперь я был вынужден соблюдать осторожность, пробираясь по лабиринтам лесистой лощины, чтобы избавиться от возможного преследователя. Ключ от склепа я хранил на шнурке на шее, и о его существовании было известно, только мне. Я никогда не выносил из склепа ни одну из вещей, которые находил в его стенах.

Однажды утром, когда я выбирался из сырой гробницы и не очень твердой рукой запираю входную дверь, я заметил в соседних кустах испуганное лицо соглядатая. Несомненно, конец был близок, ибо моя беседка была обнаружена, и цель моих ночных путешествий раскрыта. Человек не заговорил со мной, и я поспешил домой, чтобы попытаться подслушать, что он может сообщить моему измученному тревогами отцу. Будут ли раскрыты мои пребывания за запертой дверью? Представьте же мое радостное изумление, когда я услышал, как шпион осторожным шепотом рассказывает моему родителю, что я провел ночь в беседке перед гробницей, и что мои затуманенные сном глаза словно остановились на склоне лощины, где запертый вход остался приоткрытым! Каким чудом соглядатаяй был так обманут? Я был теперь уверен, что меня охраняет сверхъестественная сила. Осмелев после этого посланного небом случая, я опять начал совершенно открыто ходить к склепу, уверенный, что никто не может увидеть, как я вхожу в него. В течение недели я наслаждался всеми радостями склепа, описывать которые я не стану, когда произошло нечто, и я очутился в этом проклятом обиталище скорби и скуки.

Мне не следовало выбираться из дома той ночью, ибо в облаках были признаки грозы, и адское свечение поднималось из заросшего болота на дне лощины. Зов мертвых тоже был необычным. Он исходил не из гробницы на склоне лощины, а из обгоревшего подвала на ее гребне, казалось демон манит меня невидимыми пальцами. Когда я вышел из рощи, лежащей на равнине перед руинами, я увидел в

туманном свете луны то, что всегда смутно ожидал. Особняк, исчезнувший сто лет назад, снова величественно возвышался перед восхищенным взором; в каждом окне сверкал блеск множества свечей. По длинной подъездной аллее катили экипажи бостонского света, в то время как множество напудренных щеголей из соседних усадеб пришло пешком. Я смешался с этой толпой, хотя знал, что мое место скорее среди хозяев, чем среди гостей. Внутри зала слышались музыка, смех и звон бокалов. Некоторые лица были мне знакомы, хотя мне было бы легче узнать их, будь они сморщенными или разъеденными смертью и разложением. Среди буйной и безрассудной толпы я был самым буйным и отчаянным. Беспутные богохульства потоком лились с моих губ, и в шокирующих островах я не обращал внимания ни на законы Бога, ни Природы.

Неожиданно раскат грома, заглушивший шум свинской попойки, ударил в самую крышу и заставил в страхе замолкнуть неистовую компанию. Красные языки пламени и опаляющие порывы жара поглотили дом; и гуляки, охваченные ужасом перед внезапно обрушившимся бедствием, которое, казалось, превосходит границы неодушевленной природы, с пронзительными криками исчезли в ночи. Остался один я, прикованный к месту давящим страхом, какого я никогда раньше не испытывал. А затем второй ужас овладел моей душой. Испепеленное заживо, мое тело будет развеяно ветром! Может быть, я никогда не буду лежать в гробнице Хайдов! Разве не был мой гроб приготовлен для меня? Разве я не имел права вечно покоиться среди потомков сэра Джеффри Хайда? Да! Я претендовал бы на свое наследство, даже если бы моя душа отправилась сквозь века искать другую телесную оболочку. Я хотел занять место на той пустой плите в нише склепа. Джеффри Хайд никогда не разделит печальную участь Палинуруса! Когда фантом горящего дома постепенно исчез, я обнаружил себя пронзительно кричащим и бешено бьющимся в руках двух мужчин, одним из которых был шпион, следовавший за мной до гробницы. Дождь лил потоками, и южный горизонт освещался вспышками молний, которые совсем недавно сверкали над нашими головами. Мой отец, с постаревшим от горя лицом, стоял рядом, когда я выкрикивал свои требования быть похороненным в гробнице, и постоянно напоминал державшим меня людям, чтобы они обращались со мной как можно осторожнее. Чернеющий круг на полу разрушенного подвала говорил о яростном ударе с небес; и из этого круга группа любопытных поселян с фонарями извлекла маленький ящичек старинной работы, который обнаружился благодаря испепеляющей силе молнии.

Прекратив свои тщетные и теперь уже бессмысленные попытки вырваться, я следил, как очевидцы происходящего осматривают Драгоценную находку, и мне было позволено участвовать в их исследованиях. Шкатулка, замки которой были разбиты ударом, извлечшим ее из земли, содержала множество бумаг и ценных вещей, но мой взор застыл на одном-единственном предмете. Это была фарфоровая миниатюра с изображением молодого человека в щегольски завитом парике, на которой были инициалы «Д.Х.» Когда я взгляделся в лицо, мне показалось, что я смотрю в зеркало.

На следующий день я был доставлен в эту комнату с зарешеченными окнами, но я кое-что узнаю от старого и простодушного слуги, который был нежно привязан ко мне с детства и который, как и я, любит кладбища. То, что я осмелился рассказать о склепе, вызывало только улыбки сожаления. Мой отец, часто навещающий меня,

утверждает, будто я никогда не переступал запретный вход, и клянется, что когда он исследовал ржавый замок, то обнаружил, что его не касались уже лет пятьдесят. Он также говорит, что вся деревня знала о моих походах к гробнице, и меня часто видели спящим в беседке перед зловещим фасадом, причем мои полуоткрытые глаза смотрели на щель, ведущую внутрь. Против этих утверждений у меня не было никаких вещественных доказательств, так как мой ключ от замка потерялся во время борьбы в ту ужасную ночь. Странные сведения о прошлом, которые я узнал во время ночных встреч с мертвыми, он отверг, как плоды моего постоянного жадного и беспорядочного поглощения старинных томов из фамильной библиотеки. Если бы не мой старый слуга Хайрам, к настоящему времени я бы полностью уверился в своем безумии.

Но Хайрам, преданный до конца, по-прежнему верил мне, и совершил то, что побудило меня предать огласке хотя бы часть моей истории. Неделю назад он взломал замок, который запирает вечно приоткрытую дверь гробницы, и спустился с фонарем в темную глубину. На плите в нише он обнаружил старый, но пустой гроб, на котором была тусклая табличка с единственным словом: Джервас. В том гробу и в том склепе меня и обещали похоронить.

Примечания:

Перевод В. Фролов